

Красная звезда - 1994 - 23 июня

«БЫТЬ ДВУХ АХМАТОВЫХ НЕ МОЖЕТ»?

Имена и судьбы

Ахматова! Надо же, со странно-восточным псевдонимом, «родившись в лопухах и крапиве» (и считала эти растения божественными всю жизнь), в семье, где из книг только был том Некрасова, она достигла поэтических вершин Пушкина, стала его «ликовой дамой», одеваясь главным образом в черный шелк, влюбила в себя всю элиту поэзии начала века. Да-да, Маяковский ревновал ее ужасно, влюблен был Городецкий. Мать Блока в письме к М. П. Ивановой писала: «Я все жду, когда Саша встретит и полюбит женщину тревожную и глубокую, а стало быть и нежную... И есть такая молодая поэтесса, Анна Ахматова, которая к нему протягивает руки и была бы готова его любить. Он от нее отвертывается, хотя она красивая и талантливая, но печальная...»

Мать Блока писала эти строки в 1914 году, когда у Анны Андреевны Горенко уже был ребенок. Она уже побывала замужем за кавалером двух Георгиев Николаем Гумилевым, не так давно слушавшим лекции по французской литературе в Сорбонне и издававшим в Париже журнал «Сириус», где печатал свои произведения и, естественно, стихи царскосельской поэтессы.

А что была она печальной — это правда.

Десятые годы, годы между двумя революциями, были знамениты уходом интеллигенции в безнадежность, отчаяние. В поэзии стали модными кладбищенские мотивы. Этими мотивами, так любимыми молодым Маяковским, прославилась и Ахматова.

И ранней смерти

так ужасен вид,

Что не могу на божий мир

глядеть я.

Или:

А на закат наложен

Был белый траур черемух.

Времена меняются и — повторяются. Печаль и сегодня в моде. И не только печаль. Но вот увлечения поэзией в наши дни, к сожалению, не получается. А ведь популярность творчества Ахматовой в те и последующие за ними годы измерялась девятью изданиями ее сборника «Четки» и четырьмя изданиями «Белой стай». И потом уже, в советской жизни, такого повторения не было. Книги ее издавались трудно, нервно, а то и вовсе не издавались. Имя ее всячески замалчивалось, умалялось.

А она была дерзкой не только профилем. В 1922 году, когда многие уже были за границей, написала:

Не с теми я, кто бросил землю

На растерзание врагам.

Их грубой лести я не внимаю,

Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,

Как заключенный, как больной.

Темна твоя дорога, странник,

Полнонь пахнет хлеб чужой...

Неудивительно, что и Бунин, и другая заграница обрушились на Ахматову пасквилями. Но уже в зрелые годы пестовала она Ио-

сифа Бродского и благословила его, забыв о гневе Бунина, на выезд из России. К тому времени Ахматова была уже другой, пережив два ареста и каторгу сына Льва Гумилева, злобный доклад А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», его критику за камерность и декадентский характер ахматовской поэзии, наконец — начало блокады Ленинграда и трудную, трудную дорогу в Ташкент, на протяжении которой и открытий-то было: «Я рада, что вижу так много России...»

Сотни стихотворений и три поэмы написала она за свои 77 лет. Последняя — «Поэма без героя». Исследователь ее творчества, флотский офицер в годы войны Е. Добин писал:

«В «Тайной вечере» Леонардо да Винчи один знаток насчитал четырнадцать горизонтов. В поэме Ахматовой их, быть может, не меньше. Страницы дневника — и летопись века. Взгляд сверху, с самой высокой точки, — и зорко подмеченные детали. Тончайшие душевные движения — и сваченная орлиным взором эпоха. Канун первой мировой войны — и дни Отечественной, пережитой нами».

Впрочем, число пишущих об Ахматовой с каждым годом умножается. Не только Добин, но и В. Жирмунский, и Л. Чуковская, и многие другие, а на днях и М. Ардов рассказывают о своей дружбе с Анной Андреевной, греются в лучах ее славы. А при жизни у нее этой славы-то было немного. «Было много моря». В детстве. «Каждое лето, — отмечает Ахматова в своем жизнеописании, — я проводила в Севастополе, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили». Здесь она получила прозвище «дикая девочка», бросалась с лодки в от-

крытом море, купалась во время шторма, загорала до того, что у нее сходилась кожа, и всем этим шокировала провинциальных барышень...

Вечность моря — вот что создавало ее поэзию! И эта верность своему поколению, и ответственность за то, что она соединяла своим творчеством и жизнью два века, помогли Ахматовой преодолеть все «измы» поэзии молодого столетия — и символизм, и акмеизм, и футуризм, остаться в классической традиции, ближе к Пушкину, ближе к России.

Вот Евтушенко в пору своей знаменитости, в 66-м году написал:

И ты, распад всемирный, не убий

ту связь времен, — она еще

поможет.

Ведь просто быть не может

двух России,

как быть и двух Ахматовых

не может.

А по мне — Ахматовых, как и России, у нас сегодня 150 миллионов. Так как у каждого человека есть свой Пушкин, есть своя Россия, есть и своя Ахматова.

Несколько лет назад ленин-

градские поэты Слава Кузнецов и еще живой тогда Всеволод Азаров привели меня в Комарове на могилу Ахматовой, где покоится ее прах под тяжелым сосновым крестом. Она умерла от четвертого инфаркта в 66-м году, в день смерти Сталина в подмосковном санатории, и тело ее возвратили Петербургу, где недалеко от любимого ей Царского Села, где много сосен, и шум их вечнозеленых крон напоминает шум волн Стрелецкой бухты. Долго и с трудом выбирали это место, преодолевая упрямство начальственных чиновников Ленинграда, и это множество сосен на краю кладбища (а не три, как на могиле Пастернака), и множество людей, идущих каждый день к Ахматовой (представляю их поток в эти дни 105-летнего юбилея Анны Андреевны), и гул ее поэзии...

А в тот июньский день я увидел на могильном ее холмике в травяной щетине три подберезовика. Как они выросли под соснами — ума не приложу...

Вячеслав
ЛУКАШЕВИЧ,
«Красная звезда».